

Антон Уткин

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВСЛУХ

Выступление на Яснополянских писательских встречах в сентябре 2002 года

Вчера, уже поздно ночью, между мной и моим товарищем завязался очень любопытный и занимательный разговор – один из тех разговоров, которые велись ещё при жизни Толстого и продолжают вестись до сих пор. Я уверен абсолютно, что, пока род человеческий не перевелся на земле, такие разговоры будут вестись. Суть его в двух словах сводится к следующему: насколько мы, признавая художественный гений Толстого, одновременно с этим признаём его как философа.

И вот какие факты нам в связи с этим вспоминались: 12 февраля 1880 года граф Лорис-Меликов был назначен главным начальником Верховной Распорядительной Комиссии. Фактически с созданием этой Комиссии началась известная «диктатура сердца». И буквально через несколько дней поляк Ипполит Младецкий совершил покушение на Лорис-Меликова.

Писатель Гаршин, только что вкусивший литературного успеха, узнал о том, что военный суд на этот раз будет скор чрезвычайно вопреки всем установлениям законодательства, и казнь Младецкого должна была состояться в самые ближайшие дни после покушения. И Гаршин решил написать письмо Лорис-Меликову с тем, чтобы убедить его помиловать Младецкого.

Товарищ Гаршина, который в тот вечер ночевал у него, рассказывает о том, как Гаршин начинал писать это письмо и как рвал написанное. И в конце концов не решился доверить бумаге все свои чувства.

Около шести утра он пришёл на квартиру Лорис-Меликова и вручил свою визитную карточку его адъютанту. И по какому-то непостижимому стечению обстоятельств Лорис-Меликов вдруг вспомнил о том, что во время русско-турецкой войны он слышал эту фамилию, слышал о том, что был такой писатель Гаршин, который взял отпуск в Горном институте и поступил вольноопределяющимся в действующую армию. И он его принял.

Между ними состоялся очень долгий разговор, во время которого Гаршин пытался убедить Лорис-Меликова не совершать ошибки. Тот ему обещал. Но в результате ничего не изменилось и Младецкий был повешен на второй день после этого разговора.

Гаршин покинул Петербург, узнав об этом, и отправился в Старобельский уезд Харьковской губернии, где у его родителей было имение. По дороге туда

он вышел на станции, которая сегодня, после реконструкции, была снова открыта, и пришёл ко Льву Толстому, которого очень уважал как писателя и с которым не соглашался во многом как с философом. И Гаршин пришёл к нему, не зная Толстого лично. Они проговорили всю ночь. И впоследствии Гаршин говорил об этой ночи как о самой счастливой в своей жизни.

Почти через год в роли Гаршина оказался сам Лев Толстой. 1 марта 1881 года группой народовольцев был убит Александр II. 2-го марта Александр его сын, наследовал ему. 3-го марта об этих событиях стало известно здесь, в Ясной Поляне. И вот Толстой (я не берусь конечно, судить, под влиянием ли Гаршина) тоже начинает писать письмо молодому императору. И точно так же, как Гаршин, он совершенно не удовлетворён тем, что пишет. Имеется свидетельство о том, как он мучительно писал, переписывал, составлял массу редакций этого письма. Родные отговаривали его от этого. И, тем не менее, он его написал. И сказал о том, что письмо написано, Василию Николаевичу Бестужеву-Рюмину, директору Тульского оружейного завода. И тот сказал, узнав о содержании письма: «вы знаете, Лев Николаевич, это места отдалённые».

А Василий Николаевич – брат, тоже героя нашего вчерашнего разговора, Константина Николаевича Бестужева-Рюмина, профессора, историка и создателя знаменитых Бестужевских женских курсов – мы тоже о них скажем. И, несмотря на это, Толстой передаёт письмо именно через брата оружейника, Константина Николаевича. Константин Николаевич, в своё время стоявший близко к царской семье, осмеливается это письмо передать, прекрасно зная об ответе царя на письмо Победоносцева, в котором тот заклинал заклинал императора ни в коем случае не пощадить убийц отца. Это письмо как раз не осталось без ответа, в отличие от письма Толстого. На письме Победоносцева Александр III написал: «Не беспокойтесь. Никто не посмеет прийти ко мне с подобными предложениями. Все шестеро будут повешены. Александр". Толстой не получил ответа на своё письмо.

И Константин Николаевич Бестужев-Рюмин, историк, подчёркиваю, и племянник Михаила Бестужева-Рюмина, декабриста, который был повешен в 1825 году (нам известно, что перед Николаем I- тоже стояла проблема – лишать жизни этих людей или нет. И мы знаем, как он её решил), прекрасно понимал, что великодушие и милосердие, вовремя проявленные, столь же уместны в 1881 году, как и в 1825 году.

На курсах, созданных Константином Николаевичем Бестужевым-Рюминым, раздался голос ещё одного представителя нашей культуры – Владимира Соловьёва, который выступил перед курсистками с речью, завершив её призывом к милосердию. За этот публичный призыв к амнистии он был отставлен от преподавания и вынужден был покинуть Петербург и

фактически больше уже не возвращался к своей преподавательской деятельности.

Вот эти три факта, на мой взгляд, дают ответ на вопрос: как мы должны относиться к Толстому как к философу? Очень обидно, что даже один из самых, наверное, глубочайших литературоведов Венгеров объяснил поступок-порыв Гаршина пароксизмом его нервного заболевания. Это очень показательно.

Можно увидеть, как Толстой был вовлечён в эти сложные события политической борьбы тех лет, на примере его двух юбилеев: 1898 года и 1908-го. Первый юбилей правительством было решено вообще замолчать. Пресса с особенным удовольствием цитировала то место из знаменитого письма Тургенева Толстому, где Иван Сергеевич призывает Льва Николаевича бросить философию и вернуться к «чистому» искусству. А второй юбилей показал совершенно иное отношение к Толстому. Потому что этого пресса уже не цитировала, она цитировала другие места из этого знаменитого письма. Крайне напуганная революцией 1905 года, интеллигенция стала цепляться за философию Толстого как за спасательный круг.

Небезызвестный Павел Николаевич Милюков, вспоминая те годы, говорил, как уныло всё это было после героической борьбы «Народной воли», как все ушли в «толстовство», и подчёркивал, что он никогда с этим не переставал бороться. Нарочито шевелил, по его собственным словам, вот эту «болотную массу» с тем, чтобы подвигнуть её на какую-нибудь политическую борьбу. Действительно, таким людям, как он, это удалось: они получили свою борьбу. В 1904 году состоялось в Париже совещание оппозиционных партий, на котором Милюков сидел рядом с Азефом – тоже известной личностью. Сами либералы, гнушаясь бомбами и револьверами, в то же время допустили существование таких орудий в руках своих революционных попутчиков: левых партий в лице эсеров, анархистов и разного толка социал-демократов.

И вот что удивительно – Петрункевичей, Милюковых, Долгоруковых, Богучарских, Аргуновых – их от церкви не отлучали. От церкви отлучили Толстого, призывающего к милосердию. А люди, которые призывали к бомбометанию, сохранили все права, данные им при крещении. Это очень удивительно! И эти заблуждения приводят к таким не очень, на мой взгляд, продуманным утверждениям о том, что тот же Гаршин был болен. В таком случае надо всех записать в категорию больных: и Гаршина, и Толстого и Соловьёва... Записать сюда Пушкина, который «милость к падшим призывал».

Цари отказались следовать этому призыву, очень логичному (он не то что какой-то порыв души!) Здесь есть очень ясная логика: Николай I, начавши

своё царствование с казни, обрѣк своего сына родного на гибель; Александр начал с того же своё царствование и обрѣк на гибель не только своего старшего сына, но и второго сына, обрѣк своих своих внуков. Я уж не говорю о том, что эти люди, поступая именно так, а не иначе, обрекали на смерть многих других людей.

И эти «сумасшедшие» очень хорошо чувствовали, как надо поступить. Конечно, многие люди имели возможности просить царей об этом, но сделали это только писатели. И вот в этом, мне кажется, заключѣн тот высший дух русской литературы, который и делает из неё нечто большее, чем литературу. И самое главное, я считаю, что эти факты заключают в себе нашу возможную историю. Вот, собственно, что я хотел сказать в связи с Толстым. Спасибо!